

КРОКОДИЛ

№ 48

на 15 коп.

М. Черемных

— Куда прешь, сиволапый?! Думаешь, для тебя написано — „входить без доклада“? Для ревизионной комиссии это написано,—а ты лезешь!..

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Рис. В. Гин

— Расскажу я тебе, Сережа, про то, как был организован наш кооператив...

— Сколько раз я тебя просила,—не рассказывай ребенку на ночь страшных вещей,—опять всю ночь страшными дядями бредить будет...

О „КРОКОДИЛЕ“ И ДУРАКАХ

«Крокодил» и его сотрудники спешно заканчивали составление № 48, последнего в 1927 году.

— Вот и закончен шестой год издания, — сказал, втискивая в номер последнюю заметку, один из сотрудников. — Поработали, кажется, на совесть... Тесновато немножко было, но в следующем году мы расширимся: 52 номера выпустим!

Другой возразил:

— Ну, 48 номеров — тоже не маленькая жилплощадь. Всех разместили: бюрократов, бесхозяйственников, головоотяпов, взяточников, растратчиков, хулиганов, прогульщиков, волокитчиков, обывателей, нэпманов, чемберленов, мешан, меньшевиков, парт-оппозиционеров...

«Крокодил» молчал, слушал и рассеянно ковырял у кого-то в боку вилами. Затем вдруг ухмыльнулся и заявил:

— Стойте, подождите! Хорошо, что напомнили. Придется всунуть в 48 номер еще кой-кого... Совсем было из памяти вон! А не всунуть нельзя: без них коллекция не полна.

— Да куда же совать-то? — запротестовали сотрудники. — Местов нетути, вагон трогается, дорогой товарищ!

— Вот хоть в этот наш разговор вставьте, — сказал «Крокодил». — Чем зря-то болтать, давайте лучше делом займемся...

И вытащил из кармана двух человечков.

— Обратите внимание! Начнем с этого, очкастого и осанистого: дурак № 1.

— Это кто же такой?

— А кто его знает... Разве мало их, этаких? Пришел ко мне и говорит: «Слушайте,—говорит,—так нельзя! На каком основании вы изображаете только темные стороны и недостатки нашей действительности, а о достижениях и о положительных явлениях умалчиваете? Да мало того: вы не только мелкие недочеты, в уездном масштабе которые, вскрываете,—вы и для крупных не жалеете красок! *). Вы

*) «Крокодил», действительно, печатается в четыре краски.

осмеливаетесь осмеивать ответственных работников, заводов и заводов, вы подрываете авторитет начальства! Вы толкаете массы на путь критики!.. Это контр-революция! Это неверие в строительство социализма! Закрыть!.. Запретить!.. Не допускать!..»

— Дурак,—подтвердили сотрудники.

— Вредный и опасный дурак,—сказал «Крокодил». — Если б он просто дураком был, то не стоило им и заниматься. А этого необходимо поместить в номер: от таких—все качества бюрократизма... Ну, а вот дурак № 2. Вот этот: тощенький, слюнявенький и с благородством в лице...

— А это кто же такой?

— Так себе, вообще,—ответил «Крокодил». — Этаких тоже немало: всех по именам не перечтешь! Но этот в другом роде... Приходит этот и всхлипывает:—«Крокодилушко» дорогой! Это правильно, что ты всяких бюрократов, растратчиков, прохвостов и головоотяпов изображаешь, но как же ты можешь при этом смеяться или хотя бы даже улыбаться?! Плакать надо, «Крокодилушко» дорогой, обливаться слезами горючими и в отчаяние впадать. Потому что—какое же возможно строительство и какие возможны успехи, если у нас есть такие плохие люди и такие отрицательные явления? Руки опускаются, «Крокодилушко»! Не смейся над этим, дорогой мой: давай лучше вместе с тобой обольемся слезами и отойдем от общественной работы!..

— Идиот,—согласились сотрудники.

— Поганый идиот, вредный, опасный,—сказал «Крокодил». — Будь он просто тихим болваном — чорт бы с ним, а такую заразу обязательно нужно показать всем читателям!.. Ну, вот. Оба влезли? Поместились? Ладно, теперь можете выпускать № 48: за год мы дали все, что могли. Правда, у меня в запасе еще много народа, но...

— Такого же народа?—спросили сотрудники.

— Нет, совсем не такого. В запасе у меня народ бодрый, крепкий, веселый и смелый: рабкоры «Крокодила». Так что с дураками мы еще в будущем году поборемся: сил хватит, наша армия побольше ихней.

Сказав это, «Крокодил» помолчал. Затем весело улыбнулся, тряхнул вилами и добавил:

— А хорошо все-таки людям в конце 1927 года на свете жить! Счастливы! Не то, что я, зверь...

— А тебе чем плохо?—удивились сотрудники.

— Да как же...—сказал «Крокодил». — Не могу же я подписаться сам на себя на 1928 год. А они все могут!..

ГОРЕ ОТ РЕПЕРТУАРА

Клуб при нашем тресте работает совсем по старой орфографии: «на ять». Особенно же процветает драмкружок, так как состоит в нем не какая-нибудь красноперая комса, а старые театралы из «видных» и «ответственных» товарищей. Начнут наши любители про театр говорить, из ноздрей пар... А вот с репертуаром, хоть плачь, не вытанцовывается:

— Давайте,—предлагает один раз молодняк из регистратуры,— «О хорошем отношении к лошадям» поставим...

Транспортный отдел в обиду:

— Знаю, говорит, на что намекаете! На нового «Бенца», что за пять тысяч купили... Чем, кричит, на «Бенцев» намекать, лучше бы смотрели, что в канцелярии да в секретариате делается. Предлагаю поставить «Своя семья»...

Как управдел взовьется:

— Очень, говорит, даже насчет своей семьи понимаем... Только у кого другого, может, своя семья к месту пристроена, а у меня в хороших должностях и чужие люди сидят... Предлагаю поставить «Цемент» или «Дом на перекрестке»...

Строительный отдел освирепел:

— Если, кричит, мы за цемент частнику втридорога переплатили, так это наше дело, а вы нам не указ. А если дом-общежитие для рабочих развалился, так это именно потому, что на перекрестке. Продувное строительство, со всех сторон дует... Давайте лучше «Бешеные деньги» поставим...

Как члены правления вскочат:

— Какие такие бешеные деньги?.. Может быть, у вас записано, кто и куда эти денежки сорил... Может быть, из вашего отдела есть «Виндзорские кумушки», которые сор из избы выносят и в газетах поджигают... Тогда уж лучше поставим пьесу «Поджигатели» со всеми вытекающими отсюда для поджигателей печальными последствиями.

Из строительного отдела закрестились:

— Покарай бог, не мы!.. Мы и журналов-то в руки не берем... Если «Бешеные деньги» не годятся, поставим «Свои люди, сочтемся»... Тут главбух с кассиром вз'ерепенились.

— Чем, говорят, так на людей намекать, лучше уж прямо поставить «Ревизор» или «Дело».

На это предложение уж и все руками замахали.

Так и не придумали безвредной пьесы.

А молодняка из регистратуры в скором времени сократили. Не потому, чтобы против него какие серьезные подозрения возникли, а так, чтобы не думалось.

М.

ИСКУСНЫЙ ХОД

В столовой главного бухгалтера Тишаева накрывали к обеду. Из кухни вкусно пахло жареным, и дочь Тишаева, пухлая, румяная Лелечка, как-то особенно аппетитно расставляла на белоснежной скатерти тарелки и рюмки.

Калькулятор Егор Петрович Бабыкин сидел за маленьким столиком у окна рядом с огромным фикусом. Из окна сильно дуло, но Егору Петровичу было жарко, он поминутно отдувался и тер лоб. На столике стояли шашки, а над шашками прямо против Бабыкина склонилось полное, красное и злое лицо главного бухгалтера Тишаева.

Играли вторую партию. Первую партию Бабыкин выиграл, несмотря на все усилия проиграть и поддаться. Вторая партия непостижимым и непонятным образом также складывалась не в пользу главного бухгалтера. Заглядевшись на Лелечку, Бабыкин сделал сразу несколько необдуманных, то есть вполне правильных ходов и таким образом сразу испортил свой тонко и с трудом подготовляемый проигрыш.

Тишаев, напевавший вначале партии какую-то песенку и весело барабанивший по столу, сразу перестал петь и нервно засовывал в рот то один, то другой ус. Его пухлая рука дрожала, когда он заносил ее над доской, и пальцы долго плясали над шашкой, как бы боясь обжечься. Ему мучительно хотелось выиграть, так же мучительно, как Бабыкину хотелось проиграть. Но им обоим не везло, судьба была против них. Бабыкин считался шашечным чемпионом не только на заводе, но и по всей округе, Тишаев тоже не был новичком в шашках, очень любил «поддавки», но и «в «крепкие» играл довольно прилично. И ему хотелось выиграть у Бабыкина не «по-дурацки», не «на шармака», а по-настоящему, как следует, чтобы выигрыш действительно был выигрышем. Поэтому при первой же попытке Бабыкина грубо и очевидно поддаться еще в первой партии, Тишаев сразу остановил его:

— Э, батенька... Да вы видно совсем в облаках витаєте. Нет, уж будьте любезны, — играть, так играть. Я баловаться не хочу. Возьмите-ка ваш ходик назад и давайте по-серьезному. Я хочу у вас попробовать взять серьезную партию. А этак вы только меня унижаете.

— Помилуйте, Иван Никанорыч! У меня и в мыслях не было! Я просто задумал одну комбинацию — и просчитался.

— А вы не просчитывайтесь, а играйте, как на турнире играли! А то сделали ход — курам насмех! Нет, уж возьмите этот ходик обратно и играйте как следует. А не хотите — так и вообще не будем играть!

И Тишаев обиженно крикнул.

— Я понимаю, конечно, что вам, чемпиону, со мной неинтересно! Я понимаю... Я вас, так сказать, пригласил... Думаю, вот сразимся... Но если вам неинтересно... то, пожалуйста...

Бабыкин поймал сочувственный и обещающий взгляд Лелечки и протестующе прижал руки к сердцу:

— Что вы? Иван Никанорыч! Говорю вам совершенно искренне: я считаю вас очень серьезным и интересным противником. Я...

Тишаев смягчился:

— Ну, а коли так — так и давайте всерьез!

И Бабыкин печально склонился над доской, впервые разрешая труднейшую из всех шашечных задач: как незаметно и деликатно проиграть партию, все время стараясь сделать вид, что выигрываешь. Вначале его постигла неудача: где-то в середине первой партии он невольно забылся, увлекся, сделал ряд прекрасных ходов, а когда пришел в себя — партию проиграть уже не было никакой приличной возможности. Тогда он возложил надежду на вторую партию:

Сквитаемся... И ему будет приятно, будет хвастать: сыграл, мол, с Бабыкиным вничью, — одну — я, одну — он.

И, действительно, все начало второй партии ловко и артистически-незаметно подготовляло его проигрыш, но минутная забывчивость и взгляд на Лелечку испортили все:

«И за каким чортом я на нее поглядел так не во время! За обедом сколько угодно мог бы насмотреться! А теперь — все пропало! Все!».

И Бабыкин с тоской смотрел на сердитое, налитое кровью лицо противника, стараясь внушить ему лучшие, выигрышные ходы. А Тишаев, как нарочно, нервничал и играл, как сапожник, с каждым ходом неминуемо ускоряя свой проигрыш. Бабыкин чувствовал, как нижняя рубашка прилипает к телу и сердце стучит совсем не так и не там, где ему полагается.

«Пропал теперь и обед, и выпивка... В горло не полезет! Пропало повышение, пропала Лелечка! Все пропало! Больше никогда не позовет его главный бухгалтер Тишаев, не улыбнется ему на службе и не скажет: — Заходите-ка, милый, запросто! Кстати и сразимся!.. Все проиграно! Проиграно, потому что выиграно!».

И вдруг какая-то мысль полунадеждой озарила лицо Бабыкина. На доске оставалась одна сиротливая белая пешка Тишаева. Как раз в это время Лелечка подошла к играющим с капризной улыбкой:

— Кончайте скорей, а то все пережарится...

Бабыкин поглядел на пешку, которую через ход он неминуемо должен был съесть, и, вскинув на Лелечку взор, полный просящей мольбы, чуть-чуть подмигнул ей левым глазом. И, вдруг сделавши серьезное и печальное лицо, он сказал со вздохом:

— Сейчас кончаем, Елена Ивановна! Еще ход — и я проигрываю! Уж я трудился изо всех сил — ничего не получается! Не везет мне в поддавки!

И Лелечка весело захлопала в ладоши:

— Ага! Ага! Я сразу, когда вы только-что сказали, что вторую партию будете в поддавки, — я сразу знала, что вы проигрываете! Сразу! Эх вы, чемпион!

Тишаев поднял глаза, полные изумления, сначала на Бабыкина, потом выше, на Лелечку:

— А разве мы... разве мы...

Но Бабыкин смотрел с таким искренним огорчением, а Лелечка улыбалась так радостно и победоносно, что главный бухгалтер вдруг расцвел и махнул рукой:

— Я хочу сказать, разве мы очень задержали обед? Запутаетесь тут с этими шашками!..

За обедом Тишаев был весел и то-и-дело чокался с Бабыкиным. Бабыкин улыбался, и повторял:

— Нет, Иван Никанорыч, в поддавки — я слаб! Ведь тут тонкая штука — проиграно, потому что выиграно!

— И выиграно, потому что проиграно! — весело добавляла Лелечка, чувствуя под столом на своей руке руку Бабыкина.

После обеда, когда Тишаев был сильно навеселе, Бабыкин три раза проиграл ему в крепкие и один раз в поддавки. На прощанье старший бухгалтер расцеловался с калькулятором.

А через полгода помощник бухгалтера Бабыкин, угощая Тишаевых обедом в своей холостой квартирке, нежно шептал на ухо Лелечке:

— Так вы ничего не имеете против того, чтобы я провел вас в дамки?

И Лелечка отвечала, игриво сверкая глазами и краснея:

— Да... Только смотря какая будет игра: в крепкие или в поддавки?..

Вас. Лебедев-Кумач.

УЧЕНЬЕ — СВЕТ

В Красно-Пресненском районном отделе МОНО за четыре с половиной месяца состоялось 215 заседаний.

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
На заседаниях вечно с жаром

У нас сидит МОНО?

— Ну, что ты — даром, — молвил дядя,
Ребенка ласково поглядя,

— Им свыше ведь дано.

Вести вас к свету неуклонно...
Должно быть платят пожетонно...

Вот то-то и ОНО!

Сергей Баратов.

ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

— Смотри, как здорово гражданин чихает...

— А чего ему не чихать? Взял в домкоме неимение
препятствий и чихает себе на здоровье.

ОБИДНО

Рис. К. Елисеева

— Чего ты на ячейку злишься?!

— Как же?! Сами говорят, — с кумовством и протекцией бороться надо, а сами же в партию без рекомендации не принимают. Борцы!!!

Осуществить стремьясь давно
Высокую культуру,
Открыл „в деревню“ он „окно“
И дверь открыл в халтуру!

ОБВАЛ

Зашел как-то Егоров к архитектору «Сибмуки» вечерком на квартиру. Архитектор встретил его, поднявшись из-за стола, заваленного бумагами, взлохмаченный, в очках и в ночных туфлях, с видом человека, до крайности утомленного.

— Что хотите со мной делайте, — сказал архитектор, — невежей называйте меня или как, но вот... по горло!

— Пожалуйста, пожалуйста! — замахал Егоров руками. — Что вы, что вы! Продолжайте ради бога, продолжайте! Я ведь — что? Я ведь так

забежал... Что это, думаю, Павла Андреевича не видно, не слышно?

— Вот, говорю, — еще раз провел архитектор рукой по горлу. — Два месяца — как лошадь! Домишка наш трестовский на Калошной, знаете?

— Ну, как не знать!

— Так того и гляди развалится!

Егоров сделал значительное лицо, и сокрушенно покачал головой.

— Фу, ты ж! — сказал он. — Вот, действительно! Значит, над этим работаете?

Архитектор же, еще больше взерошив волосы и скорчив гримасу, заворчал:

— Работаю, работаю... Что выйдет из этой моей работы...

Егоров влез в калоши, и подал хозяину руку.

— Ну-ну, — сказал он, — зажаривайте! Спасайте достояние. Долго ли еще спасать-то будете?

— Эх! Не знаю! Месяца три провожусь, а то и больше! Каторга, а не должность! Ну, простите, всего... Привет Марье Антоновне!

В воскресный день, месяца три спустя, Егоров, усевшись по обычаю в драное кресло у окна и прихлебывая горячий чай из огромной чашки, развернул газету и замер на целую минуту.

— Эх, дела-дела! Дела человеческие! — вздохнул он, очнувшись. — Ты работаешь, ты трудишься, а тебе — на! «Обвал дома на Калошной»! Павлу-то Андреевичу теперь каково! Труды-то его, труды к чему привели! Вот уж — «Марфа-Марфа, о многом печешься, а единое»...

Тут однако Егоров заметил, что несколько от огорчения зарпортовался, влез в калоши и отправился к архитектору.

Архитектора он нашел в крайне возбуждении.

— Читали? — махал он газетой. — Читали про обвал? Каково! Не здорово?! Не во-время я спохватился?!

Егоров сокрушенно покачал головой.

— Не наша воля, — произнес он строго. — Человек предполагает, а... Вам бы на один-два месяца ремонтик бы пораньше бы начать...

Архитектор при этих словах уставился на Егорова, как на привидение, и перестал даже махать газетой.

— То-есть, — спросил он, — как ремонт? Ремонт! — хлопнул он себя рукой по лбу. — А ведь и в самом деле — можно б — ремонт! Чорт! Да ведь мне и мысль эта даже в голову не приходила! Да не было же никакого ремонта!!

Тогда удивился уже Егоров.

— Как так, — ужаснулся он, — спаси и помилуй! Как не было? А в отношении чего же работа-то вами велась? Заняты-то вы были чрезмерно?!

Но архитектор, овладев собой, уже откинулся на спинку стула, и хохотал весело и раскатиисто.

— Ремонт! — хохотал он. — Фу, ты! Испугал даже! Экая штука, подумаешь, ремонт... Ремонт — всякий дурак... Тут не ремонт, а — ответственность! Тут штука в том, чтобы в ответе не быть, а не ремонт! За пять-то месяцев и два ремонта можно, а вот вы покрутите-ка мозгами так, чтобы без всякого ремонта, а ваше дело — сторона! Вы так устройте, чтобы сегодня обвал, а вчера, фьють, всякая ответственность с вас снимается! Чтобы вчера обвал, а сегодня, пожалуйста, документально доказано, что дом не ваш и в вашем ведении не находится и не находился! Вы вот так рассчитайте, и вот тогда — да! Тогда я скажу, что действительно вы — работники! Что такой для каждого нашего треста — величайшая находка! А вы — ремонт! Однако, чорт, как мне эта мысль в голову не приходила?!..

В. Авилов.

АДСКОЕ ТЕРПЕНИЕ

— До чего же у людей адское терпение бывает: вчера у потребиловки, где муку продают, одна бабенка два часа в хвосте простояла!

— Не может быть, что так долго!

— Своими глазами наблюдал! Я все это время как раз в очереди у Госспирта стоял!

Рис. К. Елисева

— Вам что?! Хотите „Фиат“, „Бенц“, „Форд“, „Хорх“?! Есть последние модели..
— Нет, милый, — нам бы мази колесной..

Рис. Д. Мельникова

— Чудно! И продавцы, и касса свободны, а очередь стоит...
— Ничего не чудно,—к жалобной книге стоит эта очередь.

СОННОЕ ЦАРСТВО

Сделать дело—это значит вынести постановление и послать куда следует копию протокола. Так рассуждает значительная часть городского населения, усердно протирающая свои штаны в разнообразных учреждениях, коим несть числа.

Усердно протирают свои штаны и члены экспертной комиссии на Вышневолоцкой мануфактуре. Когда эту комиссию встряхнули в местной газете «Наш Край» за маринку изобретения слесаря тов. Бровкина, то комиссия протрала сонные свои глазки и вынесла постановление: изобретение считать ценным. Постановление пришили к делу и с тех пор — ни гу-гу

Изобретение тов. Бровкина очень важно для рационализации. Оно избавляет полотно от масляных пятен.

Теперь, говорят, тов. Бровкин работает над каким-то будильником, назначение которого состоит в том, чтобы будить от спячки вышневолоцкие общественные организации на борьбу с волокитчиками. У этого будильника вместо звонка будет орудовать здоровенная дубина. Говорят, что талантливый Бровкин сомневается насчет дубины и изобретает что-то иное, покрепче. Желаем ему успеха!

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

СТРАШНЫЙ АЭРОПЛАН

«Прииртышская Правда» в № 46 шандарахнула крупным шрифтом тревожное сообщение:

Неизвестный аэроплан пролетел над городом. Аэроплан скрылся по направлению Рубцовки. Аэроплан был очень быстрходный, имел хорошей системы глушитель и два прожектора большой силы.

В № 48 впаившая в панику газета сообщает:

Никакого аэроплана, как выяснилось, через Семипалатинск не пролетало, а те, кто наблюдали это явление, смешали с аэропланом шар метеорологической станции.

Отсюда мораль: газете необходимо на всякий случай обзавестись «глушителем хорошей системы», дабы впредь не оглушить ни в чем неповинных семипалатинцев.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ИТОГ

Московские «Известия» начинают так фельетон М. Ольшевца «Свободная наука, бедность и порок».

Подумали ли вы, дорогой читатель, о том, что в 3000 году, т. е. всего лишь через каких-нибудь 873 года...

«Дорогие читатели» подумают—и придут к скорбным выводам: живем мы в 2127 году (3.000—873=2.127), а простую арифметику до сих пор одолеть не можем.

ЖИЛПЛОЩАДЬ С ПРИЛОЖЕНИЕМ

В Воронеже, если верить «Воронежской Коммуне», можно найти комнату со всеми удобствами. В № 262 этой газеты напечатано такое об'явление:

Ищу комнату с женой на полном пансионе. Письменные предложения—улица Фридриха Энгельса, „Гранд Отель“, военный летчик Сарчемилля.

«Комнаты с женой», очевидно, в Воронеже имеются, а вот помещения с вполне грамотным человеком для редактирования об'явлений в «Воронежской Коммуне» найти, говорят, так и не удалось.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

«Вечерняя Москва» от 16 ноября совершенно серьезно сообщает, что:

Боевые танки, состоящие в настоящее время на вооружении армий, делятся, в зависимости от своих размеров и свойств, на тяжелые, средние и легкие.

Видно «Вечерняя Москва» делит русский язык, так же как и танки, на тяжелый, средний и легкий, явно склоняясь в сторону первого.

НЕОСТОРОЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЛОЗУНГАМИ

Лозунг, некстати употребленный, может привести к недоразумениям.

Инструктор Наманганского райкома тов. Рахманов разослал 24 ноября такие билеты:

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Дорогому товарищу Гудякову.

24 ноября просим пожаловать вас на нашу свадьбу.

РАХМАНОВ

РАХМАНОВА

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!» в данном случае принимает явно двусмысленный характер. Тов. Рахманов не то призывает пролетариат последовать его примеру, не то просто сзывает к себе на свадьбу. Последнее совершенно недопустимо, если принять во внимание количественный состав пролетариата и скромный размер такого города, как Наманган.

ПОЛНАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ

В Ярославле губернский комитет помощи инвалидам в афише об открытии лото уведомляет:

Лицам в грязной одежде, в нетрезвом виде, несовершеннолетним и военным вход безусловно воспрещен.

Автор этой афиши, повидимому, большой специалист своего дела. Это он, вероятно, в свое время писал об'явления: «Собакам и нижним чинам вход воспрещен»...

РОКОВОЙ КУБ

На иваново-вознесенском кирпичном заводе № 1 произошла такая драма.

6 октября в питьевом кубе была обнаружена в кипятке кошка. 31 октября там же была найдена мышь. Завхоз тов. Егоров по этому поводу рапортует:

Во время переливания воды кубовщицей Кузмичевой было обнаружено, что в кубе плавает мышь. Причины, как попала мышь, мною были обнаружены следующие. Во время просушки куба последний был открыт и в это время попалз мышь, за что был дан ей строгий выговор с предупреждением.

Напрасный это труд—давать строгие выговоры вареным мышам. Предупреждайте лучше, тов. Егоров, живых!

АЛЕШИНО СЧАСТЬЕ

I.

Есть люди, которые много о себе воображают. Алеша из магазина ничего такого о себе не воображал. Внешность у него была шероховатая, будто на ней чорт овес молотил; должность—пыльная.

В гастрономическом отделении работник прилавка легко может щегольнуть тонким знанием вин и закусок, в фруктовом—пустить пыль в глаза осведомленностью по части вкусов груши-дюшес и дыни-канталупы, но возможно ли блистать в мучном отделении. Мука, крупа, сахар, масло постное...

Но счастье ветрено. И, минуя аристократию прилавка, зацепилось оно за корявый Алешин лик. Да.

II.

В несчастную пору своей жизни пойдя бывало Алеша к раковине умываться. Хозяйки со всех сторон, как вороны:

— Умывайтесь аккуратнее, гражданин Сорокин! Наклюпаете каждый раз, а убирать—кто хочешь!

— И прошу вас около моей двери своих окурков не бросать... Моя дверь вам не мусорная куча...

Замечания по ванне, замечания по уборной, замечания, щедрые, как изморозь из осенней тучи. Особенно много конфликтов возникало на почве вокальных достижений Алеши.

Многочисленные сердечные неудачи развили в Алеше склонность к жестокому репертуару, исполняемому по вечерам средним козлетоном под аккомпанемент балалайки.

И только что, полузакрыв от наслаждения глаза, Алеша начинал выводил: «З-а-а-чем ты, безумная, губишь...»,—в коридоре начинался кавардак. Женщины носились, как бешеные, двери хлопали, как от землетрясения, кошки прятались в отдаленные места, собаки же, наоборот, выходили в коридор и поддерживали Алешу на высоких нотах.

— Ой, я таки сейчас лопну!...—кричала дородная мадам Шмерц.— Он таки воображает, что поет... Он так же поет, как кот на чердаке!..

— Долго будешь бляеть, козел чортов?..—бесновалась мадам Индюшкина, молотя в его дверь кулаками.— Людям покой надо, аль нет?..

— Это безобразия!..—возмущались жилички той же квартиры Лиля и Бетя.— За это под суд надо...

Пламеня от негодования всеми фибрами своего существа, Алеша на миг высовывался из своей двери:

— А если вы кричите на кухне, это ничего?..—кипел он.— Имею я право петь в своей комнате до 10 часов вечера или нет?! Ведьмы!..

И скрывался, остервенело хлопнув дверью.

Да, плохо жилось Алеше в несчастную пору его жизни. И хорошенькие Лилия и Бетя расценивали его совершенно как бы пустое место.

III.

Мужчины на то и мужчины, чтобы ни шиша не понимать в женских делах. Они полагают, что пироги состоят из дрожжей и муки, не подозревая того, сколько в них запечено или зажарено хозяйственного тщеславия, или незримых для мира слез, в случае неудачи... И уж, конечно, они ничевошеньки не знают о том конкурсе на «большой запас», который был объявлен на кухне. Трудно установить начальный момент конкурсного соревнования. Может быть, это было еще в ту отдаленную эпоху, когда стояли в очереди «под чай», и мадам Шмерц сказала мадам Индюшкиной:

— Запасла, дорогая!.. Пять цейлонского, пять китайского... Четыре фунта плиточного и зеленого...

— Милочка, как хорошо!.. А у меня всего три фунта с четвертью... Сейчас побегу в кооператив.

— Опоздали... Таки даже прилавки наизнанку выворотили!

Утром мадам Индюшкина, игнорируя солидное наводнение возле раковины, ласково сказала Алеше:

— А я к вам с просьбой, милый Алексей Степаныч... Как пришлют вам в кооператив чай, не сообщите ли вы мне...

Налицные прыщи на Алешиной физиономии засветились от готовности услужить, кустики на верхней губе распрямились от удовольствия:

— За особое-с удовольствие сочту, Мария Петровна!.. Ежели не беспокою, не разрешите ли по телефону звякнуть... А то, знаете, расхватают, не поспеваем подвозить!..

IV.

С этого очаровательного утра вошла звезда Алешиного счастья.

И мадам Шмерц, и мадам Индюшкина, и телефонистка Шурочка, и жена рабочего Лобова,—все желали иметь запасы, все грезили ядрицей, крупчаткой, сахаром-рафинадом, ядровым мылом, подсолнечным маслом... Все желали получить продукты в наибольшем количестве и без очереди, «пока не расхватали».

Мадам Индюшкина хвасталась:

— Вы только взгляните, мадам Шмерц, что это за крупчатка... Сухая... Желтая, как желток... И, представьте, без всякой очереди и не по книжке! Никто еще, понимаете, не знал... Ну, а потом, конечно, нагрнули...

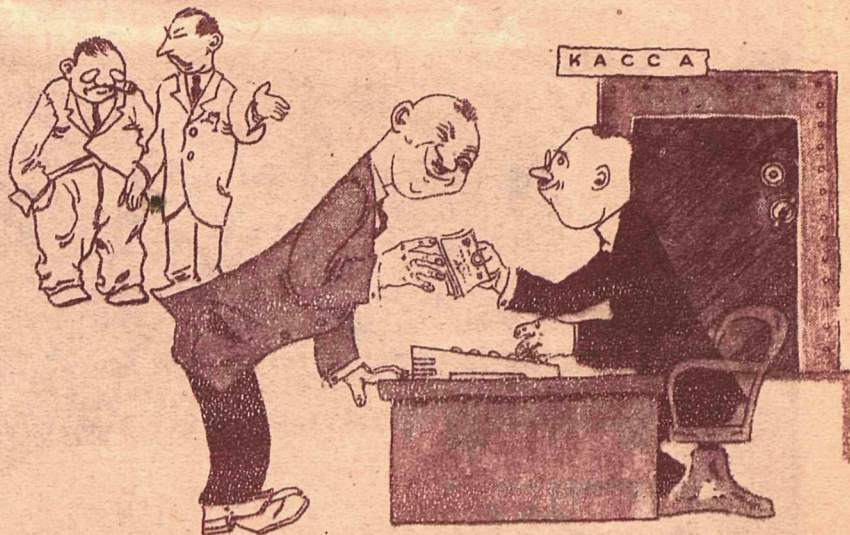
Мадам Шмерц щупала крупчатку, и внутри ее kloкотало бешенство. Телефонистка Шурочка бессильно рыдала от зависти в своей одинокой комнатке. Отрыдаввшись, кошечкой царапалась в Алешину дверь:

— К вам можно, Алексей Степаныч? Мне показалось, что вы разучили что-то новенькое?.. Нет... Ну, спойте «Кирпичики». У вас прекрасный голос, Алексей Степаныч... А правда, в вашем продвиге скоро начнут отпускать рис?.. Ведь вы сообщите мне тогда, Алексей Степанович?..

— Для вас, Александра Васильевна, с моим, с превеликим... Как только привезут, я вам на службу звякну... Губки у вас какие аппетитные, прямо—бутон...

РЕДКАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. М. Храпковского

— Ну, и публика... Не успел я его к чорту послать, а он уже командировочные выписал и получает...

V.

Алеша жил не на земле. Алеша жил на седьмом небе... Мадам Индюшкина собственноручно поит его горячим кофе с домашним печеньем, мадам Шмерц угощает фаршированной курицей, жена рабочего Лобова гладит его майяшки, телефонистка Шурочка обхлопотала ему льготный телефон, хорошенькая Бетя строит ему глазки, Мадам Индюшкина, как червь, точит свою Лилию:

— Рагешь как дура какая-нибудь... Другие девушки в твои годы давно уж личсекретарши, а ты... Не могла выпытать от Алеши, когда постное масло привезут. Другие, матушка, по два пуда запасли, а мы с носом...

— Он, мамочка... прыщеватый!..

— Прыщеватый, прыщеватый... С постного масла, матушка, не воду пить...

Вечером Лилия усиленно пудрится и бежит в комнату Алеши слушать «Зачем ты, безумная, губишь...». В дверях сталкивается с хорошенькой Бетей. Девушки окидывают друг друга недружелюбным взглядом. Конкуренция, везде конкуренция!

VI.

Как всякий счастливец, Алеша обнаглел. Ему уже кажется, что Бетя слишком сухощавая, а Лилия выглядит настоящей мешанкой. Он уже мечтает о несказанной красавице, каких не видывал свет.

Гонимая конкурсным соревнованием, красавица прильнет к его изголовью и скажет:

— Дорогой мой, я тебя люблю...

И он небрежно обовьет ее стан и произнесет:

— Завтра в десять получим ядрицу и казанское мыло...

М. Васильева.

С О В Е Т

Чтоб жить не тряско и не вязко,
Чтоб стала торною стезя,
Нужна в труде всегда увязка,
Но... вязнуть, увязать—нельзя.
Всяк слушай да на ус мотай-ка...
Чтоб не остаться без кальсон,
Нужна во всем, конечно, спайка,
Но спаяваться—не фасон.
Чтоб жизнь тебя не подсидела,
С судьбой умеючи играй.
Пускай горит, спорится дело,
Но ты, горя,—не прогорай.

М. Андр.

Н О В Ы Й П Р И Е М

(В Жилкооперативе)

— Странная вещь! Во всех углах нового дома поставлены миски с пирогами...

— А это, видишь ли, когда строили дом, то руководствовались пословицей: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Ека.

У М Е Л А Я Р А Б О Т А

— Непроизводительные-то расходы мы на двадцать тысяч сумели сократить!

— Это что! У нас РКИ на полмиллиона их сократила!

— ?

— Все учреждение прихлопнула!

А. К—В.

КОНВЕЙЕР

Рис. К. Ротова

К ПРОЕКТУ („КРОКОДИЛА“) ОБЪЕДИНЕНИЯ КРЕМАТОРИЯ С ДЕШЕВОЙ СТОЛОВОЙ

Два первых выпуска самоучителя научили готовящихся к отработке составлять резолюции и тезисы и выступать в прениях по докладам. Обладая этими познаниями, любой рабочий или служащий может считать себя подготовленным к занятию ответственной должности, но этих познаний еще недостаточно для того, чтобы успешно справиться с нею, овладеть работой по существу и упрочить свое ответственное положение. Не скроем от учащих: они сделали только первые шаги на пути к той светозарной цели, которая намечена нашим самоучителем, и которой, при его помощи, они благополучно достигнут.

Товарищ, впервые приступающий к отправлению ответственных обязанностей, немедленно натолкнется на ряд затруднений и вопросов, справиться с которыми ему, по визне положения, нелегко. Как распределить свое время? Как и с кем согласовывать? Как председательствовать на собраниях и заседаниях? Как держать себя с выше и ниже поставленными лицами? Как овладеть аппаратом? Как поставить себя в обществе?.. Попытка самостоятельно разрешить эти и т. п. вопросы может привести начинающего к непоправимым ошибкам, но наш самоучитель сведет к нулю стоящие перед начинающим затруднения, сделает работу его удовлетворительной и линию ее — правильной.

УРОК IV

Едва вступив на путь ответственной работы, вы, естественно, оказываетесь перегруженным служебными, общественными и всякими иными обязанностями. Вам надо заседать, докладывать, совещаться, подготавливать, выступать, заслушивать, увязывать, охватывать, вовлекать, способствовать, прорабатывать, согласовывать и т. д., и т. п. При всем этом вас беспокоят посетители, отрывают от работы просители, теребят с пустяками сослуживцы, пристают к вам с повестками заседаний секретари организаций. Успешно справиться с подобной нагрузкой можно лишь при условии точного распределения своего времени на неделю вперед. Распределив его, вы поручаете техсеку или просто машинистке изготовить соответствующую таблицу, которая вывешивается на видном месте (у дверей кабинета) и, примерно, гласит:

Распределение часов работы (ваше имя, отчество, фамилия).

Понедельник. С 9 — 12 доклад в Наркомате. С 12—1 работа по должности. С 1—4 заседание комиссии по... (наименование комиссии, существующей или вымышленной). С 4—7 работа на дому (просьба не отрывать и не беспокоить!). С 7—12 заседание в... (название учреждения или организации).

Узбекский сатирический журнал „МУНТУМ“ в день пятилетия своего существования прислал старшему брату своему по сатире „КРОКОДИЛУ“ привет и этот рисунок с трофеями пятилетней борьбы: 1) чалмой, 2) мечетью, 3) паранджей (женским покрывалом), 4) чадрой и 5) кораном.

Вторник. С 9—12 заседание комиссии по... С 12—1 работа по должности. С 1—4 доклад в...

И так далее.

Составив такое расписание, вы получаете возможность использовать утро для занятий спортом или чтением газет, послеобеденное время — для сна, а вечером — отдыхать, приобщаться к культуре и искусству (театр, кино) или беседовать в кругу знакомых и близких о волнующих вопросах современности. Сохраняя таким путем здоровье организма и свежесть мысли, вы вместе с тем сохраните и репутацию крайне занятого человека, если только у вас есть жена или особа, вполне ее заменяющая.

Дело в том, что у ответственного работника обязательно должен

быть телефон. Не отвечать на телефонный звонок нельзя: внезапно может позвонить весьма ответственное лицо по весьма важному для вас вопросу, да и мало ли вообще кто и зачем может позвонить?.. Но, отвечая, можно нарваться и на назойливого сослуживца или на техсека нежелательной комиссии, которые: 1) обнаружат, что вы дома, а не на заседании; 2) вынудят вас заняться ненужной работой, а не приобщением к искусству. Вот почему к телефонному аппарату должна подходить ваша жена (или особа, вполне... и т. д.) и прежде всего осведомляться:

— А кто спрашивает?

Получив ответ, она, в зависимости от его содержания, в свою очередь отвечает:

— Нет, товарищ, он сейчас на заседании в... и вернется не скоро!

Или:

— Сию минуту, подождите одну секундочку! Он только что вернулся с заседания и сейчас подойдет. Петя, (Ваня, Гриша), да иди же скорей, тебя спрашивает...

Или, наконец:

— С вами говорит его личный секретарь, товарищ! Может, вы мне передадите, в чем дело?.. Да, он дома, но очень занят, и если дело не срочное, то я не стану его беспокоить.

(Следующие уроки — в след. №№).

Главный редактор
Савелий Октябрьев.

ВНИМАНИЕ МЕЛОЧАМ (КРОКОДИЛИЙ ОБЛЕТ ПРОВИНЦИИ)

Если покопать как следует вилами,— обязательно что-нибудь да выкопаешь,— такая уж наша судьба крокодила! Оно, конечно, обидно всякую дрянь выкапывать, но что поделаешь? Дело — праздничное. Сидел, сидел «Крокодил», да и решил: — Дай, думает, полечу по провинции! Авось, что-нибудь найду. И полетел.

ДИРЕКТОР ПРИВЕЗЕНЦЕВ

Понесла его нелегкая в Таганрог. Ну, прилетел, все по-хорошему, заполнил анкеты какие полагается, чин-чином. Просмотрели анкеты люди и спрашивают:

— А вы чем, собственно говоря, интересуетесь?!

— Да ничем особенно, а так, вообще. Нет ли чего-нибудь?!

Почесали люди в затылке, подумали:

— Есть у нас кирпичные заводы СКОПС'а. Хорошие заводы.

— А что такое СКОПС'а?!

— Кто его знает?! Название такое.

Ну, ладно! Мало ли какие на свете слова бывают? Пускай будет СКОПС. Полетел «Крокодил» на заводы и спрашивает директора.

— Вам товарища Привезенцева?! — удивились на заводе: — они здесь редко бывают, у них дела по женской части в Ростове, так они там больше и проживают. Нынче командировка, завтра командировка,— глядишь, вернуться то и некогда. Мы и без них управляемся по-малу.

Очень хороший директор Привезенцев!

— Ну, а что на заводе делается?

— Да так, ничего. Мелочи. Вот сырец померз— 150.000 штук.

— Почему же так?!

— Да товарищ директор были в командировке в Ростове, ну, и забыли про кирпич. А кирпич разве сам понимает?!

— А другие чего думали?!

— Другим думать не полагается. Как в конце сентября закончили выработку сырца, так завод и закрыли, рабочих распустили,— что им тут делать, когда сырец готов. Только

товарищ Привезенцев изволили забыть, что кирпич-то надо со стилажей снимать и козлить. А тут за какие-нибудь два месяца морозы ударили. Кирпичик-то и тую-тую. Сейчас на балку вывозим в спешном порядке. Да вы, товарищ „Крокодил“, не обращайтесь внимания, — это ведь мелочи: всего убытку тысяч пять... Переживем.

Поковырял еще «Крокодил» вилами, расковырял печь, которая почему-то вместо 12.000 дает всего 6.000, плюнул и улетел.

Повел в воздухе носом «Крокодил», — слышит, чем-то в Гандже пахнет, тянет чем-то из Закавказья.

СПЕЦ СОЛОВЬЕВ

Ну, что ж! Даешь Ганджу! Прилетел в Ганджу, спрашивает:

— Чем тут пахнет?

— Ерунда, говорят, товарищ «Крокодил», мелочи! У нас тут спец по маслоделу на маслобойно-мыловаренный завод приехал, уважаемый товарищ Соловьев. И приказал этот уважаемый товарищ пресса паковочные поставить возле шелушильного отделения. Технорук и главный механик доказывали ему, что не надо там ставить, но против уважаемого товарища Соловьева они ничто.

Пресса поставили, тысячу рублей за установку убухали, да подвозка к ним шелухи обошлась в пятьсот рубликов. А теперь их ломают и переносят в другое место, потому что здесь они ни к чему. Еще рублей шестьсот вгонят.

Вот и весь запах. Но это ведь мелочи. Переживем.

Копнул еще вилами «Крокодил» и нашел все-таки экономии на заводе, введенную по распоряжению того же товарища Соловьева:

Держатели к карандашам в конторе куплены. И теперь карандаши приказано исписывать до полного и победного конца.

Плюнул и улетел. Не понравился ему южный воздух,— помчался на север.

Глядит, в городе Кургане народ собрался,

БАНЯ

— В чем дело, граждане?

— Дело,— говорят,— в бане.

Ремонтировали баню два года, девятнадцать тысяч истратили на ремонт, а как открывать стали,— оказывается, трубы полопались и насос не действует.

Вот те и баня. Мелочь это, конечно.

Верно, что мелочь. Копнул вилами,— смотрит, раньше в бане за мытье брали 10 копеек, а теперь назначили пятнадцать... Плюнул и опять улетел...

МЕЛОЧЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ

Залетел в Малмыж, Вятской губернии. Ну, тут уж совсем мелочь:

Севостлес и Раус пирт не платят крестьянам за работы.

Не платят и шабаш.

— А вы бы,— говорит «Крокодил»,— в суд подали!

— Подавали, товарищ. Так они и не отвечают ничего ни нам, ни суду. А мы путешествуем по судам. Уже больше проехали, чем вы судить можем.

«Крокодил» — в Вятку.

— Вы что же это, граждане, волокитите?!

— Гроши ведь там, товарищ. Мелочь... Впрочем обратитесь к секретарю и оставьте заявление, мы на будущий год рассмотрим...

Плюнул «Крокодил», даже вилами копать не стал,— все и так, как на ладони,— подался из Вятки. Только взлетел кверху, — слышит — зовут:

ДЕБЕССКИЕ ГОЛОВОТЯПЫ

— К нам, товарищ «Крокодил», сюда! Мы здесь: деревня Высокое, Дебесской волости, Глазовского уезда, Вотской области. К нам пожалуйте...

Раз зовут— надо лететь. Прилетает:

— Кто шумел?..

— Мы. Правление дебесского потребобщества. Вот вы, товарищ «Крокодил», все жалуетесь на недостаток внимания к мелочам. А мы не таковы. Обратите внимание:

ВСЕМ МАГАЗИНАМ И ОТДЕЛЕНИЯМ ДЕБЕССКОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ.

На основании расширенного совещания партийных, советских и профессиональных организаций при дебесском потребобществе пра-

СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

Рис. В. Гин

— Недаром все находят, что я на Толстого похож!

— Чем именно?

— Как же? Сам сапоги шью.

вление общества предлагает вам принять суммы в уплату долгов с лиц, поименованных в списке, при чем в качестве меры воздействия на них прекратить названным лицам упредь до полной уплаты ими долга совершенно отпуск товара по всем магазинам и отделениям волости.

Указанное распоряжение распространяется и на членов семей перечисленных лиц.

Правление.

— Вот! — с гордостью сообщило правление: — видал-миндал?!

— Ну, и что же?!

— Ничего. Закрываем пока магазины и отделения, — не платят, гады!

— А кто эти неплательщики-то? Богатеи, небось?!

Позапаслись в кредит и сидят теперь?!

— Товарищ «Крокодил»! — ввязался в разговор корявый мужиченко: — обратите внимание! Задолжавши мы, это действительно. Но надо же соображать. Бедняки ведь позадолжали. А сейчас распутица,— где денег возьмешь?!

Уж мы за наличные просим,— нет тебе никакого товара. Да и прочим-то не дают, не токмо нам: «Все вы, говорят, родня между собой. Никому нет товару!».

— Как же,— спрашивает «Крокодил» у правления: — вы такое делаете? Бедняков ведь жмете-то?!

Плюнул «Крокодил», пырнул по горячке вилами правление в бок и решил домой в Москву подаваться. Не тут-то было. Опять кто-то тянет издалека:

ШЕСТЬЕ ПЕРЕВЫБОРЫ

— А к нам-то? Вот где внимание к мелочам,— это да! Без обмана!

Повертелся, повертелся «Крокодил» и полетел на Кубань.

В станции Старотиторовской, Темрюкского района, сидят пайщики кооператива и правление перевыбирают.

— Где у вас мелочи?!

Где внимание к ним?!

Чего зря звали?!

— Не зря, товарищ «Крокодил», ей-богу, не зря! Обратите внимание.

Шестой раз правление перевыбираем,— все расстрчивают

Будь они неладны...

— При чем же тут мелочи-то?..

— Как при чем? И мелочами не брезгают, наоборот, очень даже внимательны к ним. Не все сотнями и тысячами тянули.

Член правления Вовк Филат сорок четыре целковых сдул. Разве не мелочь?!

Восемь человек пять тысяч растратили, а он на сорок целковых польстился.

— Вот это внимание. А вы говорите!!

Плюнул «Крокодил» и на это дело, повернулся и улетел в Москву.

— Что ж это такое, товарищи дорогие?!

Один только случай внимания к мелочам и то у растратчика?!

Ну, ладно! Еще летаем как-нибудь после нового года,— может быть, что-нибудь покрупнее выловим.

Крокодилый летчик.

КАБИНЕТНОЕ РУКОВОДСТВО

Весной 1927 года Самарский Губсовнархоз начал перестройку рафинадного завода под маслобойный. Недавно произведенная ревизия установила, что губсовнархозовские спецы руководили постройкой записочками, сидя в кабинетах,— на заводе работал лишь один техник. В итоге завод к сроку не построен, т. к. благодаря такому „руководству“ крыши покрыты лишь на 50 процентов, прибывающее оборудование не установлено, сделаны лишь мелочные работы: ямы для извести и т. д. Ассигнованные на постройку триста тысяч рублей будут еще год лежать мертвым капиталом.

Зря обижаетесь на губсовнархозцев! Они все свое внимание мелочам уделяют... И нет ничего удивительного, что для крупных вещей этого внимания у них не хватает.

ЖЕНИТЬБА БАЛЯКИНА

Дело было осенью. Осенью всегда дождь, тучи на небе, грязь, лужи на земле, и на сердце—скука. Вот в такой-то денек и взгрустнулось секретарю ячейки ВЛКСМ (он же член сельсовета, член комитета взаимопомощи, член лавочной комиссии) Алексею Ивановичу Балякину.

Взгрустнулось Алексею Ивановичу, да так взгрустнулось, что сказал отчаянным голосом:—Хорошо бы жениться!

А сваты тут как тут:—При ваших чинах вам жениться плевое дело. Какие ваши условия? Об остальном сами похлопочем.

— Мои условия — подруга жизни и двести-триста рублей приданого... Да стойте, не убегайте. И чтоб свадьба была пороскошней, плехую справлять не намерен. Не желаю позорить свое комсомольское происхождение.

— Это, конечно... При ваших чинах... Сами понимаем... — ответили сваты.

И все было так, как пожелал Алексей Иванович: невеста и деньги, гармонисты и церковный хор.

Два автомобиля подкатили к ярко освещенной церкви.

Слово предоставляется товарищу попу. И поп загудел, а за ним и хор: «Ал-ли-лу...».

И все? Нет, еще не все. Последнее слово скажет уком ВЛКСМ.

А если кто из читателей интересуется, какое именно слово скажет уком, то просим нас не беспокоить и прямо запросить ячейку ВЛКСМ дер. Малые-Мытищи, Московского уезда.

Б. Л.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ И ОДНА

Рис. А. Малеинова

— Не знаете ли, где здесь молочная?!

— А вот пройдите четыре винных магазина, две пивных и лавку Госспирта. Там как раз...

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Было это давно, давно...

Некий хитрый и оборотистый человек захотел разбогатеть. А так как способов для этого представлялось чрезвычайно много—он выбрал самый верный, простой и быстрый. Хитрец решил на все свои деньги купить кур, которые должны были нести яйца, из которых в свою очередь должны были выводиться куры, несущие яйца, и т. д. и т. д... По его расчетам, основной капитал таким образом будет увеличиваться, как быстро кающийся снежный ком.

Но расчеты не оправдались! Весь двор его был полон курами различных пород. Он залез в долги, покупая новые и новые партии пеструшек, хохлаток и кохинхинок. И все же он не получил еще ни одного яйца.

В конце концов, пораженный, обескураженный и долга разоренный, этот человек решил обратиться к самому премудрому мудрецу тех времен за советом.

— О, учитель!— возопил он, падая перед мудрецом на колени,—скажи мне, почему боготвернулись от меня и удача не хочет посетить меня?..

И рассказал, в чем дело.

— Боги тут ни при чем!—просто решил мудрец, выслушав несчастного.—Как говорится, на бога надейся, но и сам не плошай. Ты же забыл про самое главное—у тебя нет петуха!..

Это я все к тому, что до чего рассеянные люди бывают! Иной задумает что-нибудь—делает, кричит, старается... А потом, глядишь, рушится все—какую-нибудь мелочь не предусмотрел. Дом, например, строят—фундамент позабудут поставить, или еще что-нибудь в этом роде.

Тут вот с моим приятелем Растиным такой вышел случай, что насиду отходили его после родные и хорошие знакомые. Уже в черную меланхолию впадал и о самоубийстве поговаривать начал...

А случай, действительно, трагический.

С самого начала, как прошел слух о займе индустриализации, Растикин объявил себя первым и вернейшим его приверженцем. Только и разговору у него было, что о новом займе. На службе все отделы обегал, к каждому прикнулся—все убеждал да агитировал. А когда подписка началась—собственноручно всю кампанию провел. И как провел—на ять!

Что же касается самого себя—Растикин был горячо убежден, что заем принесет ему неисчислимые выгоды. В мыслях своих он уже

обрезал многочисленные купоны у облигаций и выигрывал десятки, сотни тысяч. Его фантазия неутомимо крутила колесо фортуны в свою сторону...

Перед днем первого тиража займа индустриализации Растикин не мог заснуть всю ночь. Всю ночь безумные мечты перекидывали его с боку на бок на ветхой и скрипучей железной кровати. А в горячей голове его устроили бешеные гонки цифры с длинными хвостами из нулей...

Наутро Растикин первый явился в помещенный тиража. До начала осталось ждать еще целых три часа, а время, подгоняемое Растиным точно упрямая лошадь, двигалось все медленнее...

Но вот настал, наконец, желанный миг! Завертелось колесо счастья. Маленькая пионерка вынула первую трубочку с номером...

— Выиграл № 277534, серия 02! — звонко прокричал чей-то голос.

— Не мой ли?..—промелькнуло сейчас же в голове Растикина.

Трясущимися руками расстегнул он пиджак, достал бумажник и...

И тут только с ужасом вспомнил, что, увлекшись разными хлопотами, кампаниями и агитацией, он сам не приобрел еще ни одной облигации займа индустриализации.

Стек.

VII год издания **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД** VII год издания

НА САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ МАССОВЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

С нового года „КРОКОДИЛ“
будет печататься в 8 красок
на машинах ОФСЕТ

КРОКОДИЛ

Издание „Рабочей Газеты“

В ЖУРНАЛЕ ПЕЧАТАЛИСЬ СЛЕДУЮЩИЕ АВТОРЫ:

В. Авлаов, Н. Адуев, А. Д'Актиль, М. Андриевская, Мих. Андреев, И. Амский, Арга, А. Архангельский (Архи), Ник. Ассев, Мих. Артамонов, Демьян Бедный, Бей-Гали, Ф. Благов, М. Вольпин, Я. Галицкий, М. Гаушков, Грамен (Н. Иванов), С. Городецкий, С. Гессен, А. Григорович, Д. Долев, К. Еремеев, А. Зорич, И. Исаба, Н. Карпов, В. Князев, В. Катасев, Мих. Коальцов, П. С. Коган, Н. Каамин, Эмиль Кроткий, Вас. Лебедев (Кумач), Г. Делевич, Б. Левин, Мих. Левидов, С. Малашкин, Вал. Майковский, Д. Маллори, Манола, А. Митрич, А. Митинский, Л. Никулин, А. Неверов (Наемщик), Октябрьев Савелий, Олеша (Зубило), О. Л. Д'Ор, Орловец (Дударев), Мих. Пустычкин, Вал. Павлов, Ю. Потехин, А. Ракинников, И. Своя, Евг. Симбирский, Евг. Степной, А. Сословский, А. Сянский, Б. Самсонов, Н. Тагамлицкий (Никто), В. Типот, Н. Фалеев (Чуж-Чуженин), А. Флит, Г. Холмский, Вяч. Шашков, Б. Энгельгардт и др.

В ЖУРНАЛЕ ПЕЧАТАЛИСЬ РИСУНКИ ХУДОЖНИКОВ:

Б. Антоновского, Л. Бродаты, Ю. Гаффа, Гриффель, Ж. Гросса, Н. Денисовского, В. Дени, К. Елисеева, Бор. Ефимова, Б. Козлинского, Н. Куприянова, Ив. Малютина, Л. Межеричера, Д. Мельникова, В. Михайлова, Д. Моора, А. Радакова, П. Радимова, Н. Радова, К. Ротова, М. Храповского, К. Хомзе, М. Черемных и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

МОСКВА, 18, Сушевский Вал, 63, Гл. контора „Рабочей Газеты“ и Тверская, 3. В ПРОВИНЦИИ: отд. „Рабочей Газеты“ почт.-телегр. конторами и контрагентами по распростран. периодической печати.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА—55 КОП. В МЕСЯЦ
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №—15 КОПЕЕК

Издательство „Рабочая Газета“—Москва, Тверская, 3.

Главлит № А 1065.

Типография „Рабочей Газеты“, Москва, Сушевский Вал, д. 63.

Ответственный редактор К. Мальцев.

Тираж 175.000

— Ну, здравствуй, учительша.. Зашел на огонек... С постановкой школьной работы желаю ознакомиться..